

Звиняцковский, Владимир Янович

Подписано в печать 15.12.2022

Новая русистика. 2023, vol. 16, iss. 2, pp. 53-59

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2023-2-7>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.79420>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20240214

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

- POSPÍŠIL, I. (1992a): *Od Bachtina k Solženicynovi. Srovnávací studie*. Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1999): Sny a literatura. *HOST*, 1999, č. 8, s. XIII–XIV.
- POSPÍŠIL, I. (2018c): Tři listy o sovětské literatuře Alfreda Ljudvigoviče Bema: ruský fenomén a střední Evropa. In: POSPÍŠIL, I. (ed.): *Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí II*. Brno, s. 163–175.
- POSPÍŠIL, I. (1997): Vynikající edice. In: *SPFFBU*, XLVI, D 44. Praha, s. 152–154.
- POSPÍŠIL, I. (1990): Žánr jako bezprostřední výraz autorovy osobnosti. *Deník spisovatele F. Dostojevského a Šlépěje J. Demla. Slovenská literatura*, 1990, č. 4, s. 338–349.

About the author

Ivo Pospíšil

Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, Ivo.Pospisil@phil.muni.cz

<https://doi.org/10.5817/NR2023-2-7>

Подписано в печать 15.12.2022

АКУНИН-ЧХАРТИШВИЛИ: *Собачья смерть*. Москва: «Захаров», 2023. 432 с. ISBN 978-5-8159-1697-5.

Информация, вынесенная в заголовок данной рецензии, взята с последней (технической) страницы новой книги Акунина-Чхартишвили (псевдонимом и настоящей фамилией (далее А/Ч), без имени, без инициалов, автор подписывает книги серии «Семейный альбом», и новая, «Собачья смерть», не стала исключением). Получается, что над книгой автор работал весь тот, мягко говоря, непростой для мира год — год не мира, но войны. Новой войны старой российской империи.

Об этой, новой войне явно, в видимых читателю слоях многослойного исторического романа «Собачья смерть», не сказано ничего. Но эта новая война старой империи образует его невидимый, но всегда ощущаемый, скажем так — нулевой слой.

В пояснение сравню нашего автора с А. П. Чеховым. По воспоминаниям современницы, кто-то однажды спросил у Чехова, почему его нашумевшая на всю страну поездка на Сахалин так мало отразилась в его творчестве. «Чехов ответил на это какой-то шуткой, потом встал и долго задумчиво шагал взад

и вперёд по столовой. Совсем неожиданно, не обращаясь ни к кому, сказал: „А ведь кажется — всё просахалинено“ » [ЇСНОУ 1977, 618].

Вот так и новая книга А/Ч: вся проукраинена.

Но обо всём по порядку.

Была в СССР такая книжная серия «*Пламенные революционеры*». Невзирая на заведомую неосуществимость своей сверхзадачи (что благо революции есть ложь, было ясно и пионеру), внесла она весомый вклад в формирование жанра исторического романа в многонациональной советской (а не только русской) литературе. По ходу действия нового романа А/Ч его главный герой — писатель-шестидесятник Марат Рогачов — готовит для этой серии свой новый роман о пламенном революционере Сергее Степняке-Кравчинском, истинном романтике революции, недаром ставшем одним из прототипов Артура Бертона в популярном в СССР романе англичанки Э. Л. Войнич «Овода». Марат Рогачов пишет заказную книгу об этом Оводе, её отдельные главы входят в «*Собачью смерть*». Будем считать этот, «степняковский» слой книги А/Ч (по старшинству) первым: действие происходит в 1895 г.

Одновременно с писанием на заказ все уважающие себя советские литераторы писали в стол. Наш герой пишет в стол роман о другом, так сказать, неофициальном прототипе «Овода» Э. Л. Войнич — её любовнике Сиднее Рейли, пламенном контрреволюционере и английском шпионе. Соответственно главы из него — второй слой романа А/Ч. Основное действие происходит в августе 1918 г., финал — в 1925 г. Выписки Рейли из некоей древней японской книги в английском переводе (эти выписки Рогачов выкрал из архива КГБ) также будем считать входящими в этот, второй слой.

Третьим слоем романа А/Ч будет удобно считать саму романическую историю жизни главного героя, доведённую до августа 1968 г. По ходу действия она переплетается с финальными событиями жизни анестезиолога Антона Марковича Клобукова. Молодость Клобукова нам известна из предшествующих книг серии «*Семейный альбом*». Литературно-философские записи старого профессора-анестезиолога примыкают к этому, третьему слою.

Наконец, небольшой, но впечатляющий четвёртый слой — относящиеся тоже к августу 1968 г. записки высокопоставленного сотрудника КГБ, помещённые в книгу А/Ч под выразительным названием «*По написанию жечь*». Для потомственного чекиста полковника Бляхина (жизнь его отца представлена, опять-таки, в предыдущих частях «*Семейного альбома*») эти его записки — такой способ медитации, позволяющий, во-первых, хоть на краткий миг быть откровенным хотя бы с самим собой (иначе рано или поздно сойдёшь с ума, как показывает пример полковника Путина), и, во-вторых, произвести, как Бляхин это называет, работу над ошибками, т. е. тщательно отрефлексировать

прожитый день, намечая тактику поведения на ближайшее будущее. Сделав очередную дневниковую запись, Бляхин тут же её сжигает — так что мы в данном случае читаем то, что можно прочесть исключительно в русской литературе, где рукописи, как известно, не горят.

Композиционно «Собачья смерть» выглядит как многослойный пирог, в котором каждый слой не обязательно правильно чередуется с другими. Автор будто боится наскучить читателю одним сюжетом и, бросив его на самом интересном месте, переходит к другому.

При этом всё же стержневым сюжетом, на который «подвешены» все остальные, является жизнь и творчество Марата Рогачова, рассказ о котором автор, видимо, намеревается продолжить в следующих книгах серии «Семейный альбом». Это тем более вероятно, что светлый образ Рогачова-старшего (вот уж воистину пламенного революционера, видного деятеля «ленинской гвардии», расстрелянного ещё в начале 1936 г.) также знаком нам по книгам этой серии.

Сына он назвал Маратом, разумеется, в честь французского «друга народа». В романе Рогачова-младшего возлюбленная Рейли, ученица студии Художественного театра, репетирует роль Шарлотты Корде в революционной пантомиме «Марат».

И в жизни нашего Марата появляется весьма решительная девица Агата, которая убивает его не физически, а как советского писателя. Ведь после знакомства с ней каждая страница, написанная на заказ, будет вызывать в памяти Марата суровый Агатин приговор: «Фу, сова нагадила». Совой Агата называет всё советское: это слово, видимо ею же и придуманное, синонимично более позднему и более известному слову «совок».

В 20-е годы XXI века старым уже трудно вспомнить, а молодым вообразить то время, когда юные девушки просматривали свежие номера литературно-художественных журналов. Утратив массовость, литература (художественная) по идее должна была перестать быть неотъемлемой частью пропаганды, т. е. обрести свободу.

В самом деле, тиражи советских книг таких серий, как «Пламенные революционеры», достигали 100 тыс. и более экземпляров. Роман А/Ч «Собачья смерть» вышел, по сравнению с теми временами, скромным, а для нашего времени — огромным тиражом 7 тыс. экз. Но вот что замечательно: в дни, когда в РФ беснуется оголтелая официальная пропаганда безумных официальных идей, этот роман вышел в Москве, притом что его автор давно и прочно укоренился на Западе. У него свои читатели (те самые семь тысяч), которые всё понимают и которым не нужно объяснять, что рашка — та же сова. Им просто, для их же ободрения, нужно кое-что напомнить.

В эпизодах основного, шестидесятнического, сюжета *«Собачьей смерти»* много узнаваемых лиц, особенно на сходках на квартире кинорежиссёра Гриваса (прототипом, видимо, послужил скульптор Эрнст Неизвестный). Некоторые прототипы даже не переименованы, а их подлинные тексты (не вполне точно) процитированы. Так, персонаж, которого все называют Женькой, в дни вторжения совы в Чехословакию пишет стихотворение *«Танки идут по Праге...»*, впоследствии знаменитое. Марат слушает и завидует: «Хорошо поэту — можно написать нечто историческое за пару часов. В прозе это не получится». [AKUNIN-ČŠHARTIŠVILI 2023, 330] Но другой прозаик (подобно «Женьке» почти не переименованный) в этот момент больше думает не о творчестве, а о репутации всех сколько-нибудь причастных к пакостной сове: «Стыдно, Господи, как стыдно! — продолжил Гриша Вадимов, прозаик, — это он переживал, что теперь не отмыться. — [...] Если бы только это было возможно, уехать бы на край света и никогда сюда не возвращаться [...]». [AKUNIN-ČŠHARTIŠVILI 2023, 329]

Что ж, вскоре это стало возможно для него и ещё немногих. Ныне же, в аналогичной ситуации, уехать смогли чуть ли не все «семь тысяч». Тираж вышедшей в Москве новой книги А/Ч активно раскупается вне РФ (к примеру, мой экземпляр друг привёз мне в Чехию из Израиля). Они уехали, рассчитывая когда-нибудь вернуться, как вернулись в 90-е шестидесятники. Т. е. выходит — году этак в 2050-м. Многие не доживут и зная, что не доживут, тихо поставят ныне прочитанную книгу на полку и всю оставшуюся жизнь будут натывать взглядом на корешок с крупной надписью *«Собачья смерть»*.

Оказывается, это не рашистский парафраз на тему «собаке собака смерть», а буддийский термин. Английский шпион Рейли (в романе, что пишет о нём Марат Рогачов) однажды услышал его (толком не поняв) от японского шпиона (тот пожертвовал жизнью за Родину, настоящего его имени Рейли так и не узнал), а затем прочитал в японской книге (из которой сделал выписки). Этот термин означает смерть без толку и смысла — когда человек погиб, не достигнув поставленной цели. «Собачья смерть прискорбна, но в ней нет стыда, — говорится в книге. — Стыдно прожить собачью жизнь». [AKUNIN-ČŠHARTIŠVILI 2023, 192]

Но одно дело погибнуть, не достигнув поставленной цели, и совсем другое — изначально не верить в достижимость той цели, что ставит перед тобой история и твоя собственная жизнь. В романе *«Собачья смерть»* есть только два героя, которые верят в осуществимость главной цели человечества в XX веке — убить сову. Это Сидней Рейли в августе 1918 г. и простой сибирский парень по кличке Рыжий — ровно полвека спустя. Рейли: «Судьба XX века решается здесь. В России. Мы присутствуем при рождении дракона, который — если дать

ему подрасти — опалит своим огненным дыханием всю планету, разрушит государства, обратит в руины цивилизацию и превратит в рабов целые народы». [AKUNIN-ŠCHARTIŠVILI 2023, 99]

Цель (умертвление дракона) вполне достижима. Тот же Рейли прекрасно понимает, что принижение роли личности в истории — большевистская уловка. И когда у него появляется реальная возможность забросать гранатами их политбюро, физически уничтожить Ленина, Троцкого и всех остальных, включая Сталина, он ухватывается за эту возможность. Не получилось — что ж, он попробует ещё и ещё раз, пока наконец, семь лет спустя, не попадёт к ним в руки и не умрёт вполне достойной собачьей смертью. Жизнь его собачьей не назовёшь.

Культурные герои 1960-х, чьё сознание подпорчено историческим материализмом, все, скопом (за исключением Рыжего — но какой же он культурный герой?) мыслят иначе — примерно так, как Марат Рогачов: «Ланцелоты, победители драконов, бывают только в сказках. В стране Россия всегда, из века в век, побеждает Дракон. У него клыки, когти, испепеляющее пламя. И покорное стадо, которое горячо одобрит всё, что он прикажет». [AKUNIN-ŠCHARTIŠVILI 2023, 333]

В 2050 г. изображённое в «Собачьей смерти» покорное стадо августа 1968-го вполне может сойти за исторически точный коллективный портрет. Свидетельствую для будущих историков: сей коллективный портрет составлен из постов в социальных сетях 2022 г. по поводу вторжения в Украину, вот они — в виде якобы реплик в толпе у газетного стенда в Москве в августе 1968 г. (вместо «Чехословакия» читай «Украина»):

«— И правильно, — сказала дама — не тётка и не женщина, а именно дама с пышной бабеткой. Может быть, школьная директриса или главбух. — Я была в Чехословакии. Живут ого-го как. С жиру бесятся.

— А почему они должны жить лучше нас? По какому такому праву? — поддержал её пожилой дядька». [AKUNIN-ŠCHARTIŠVILI 2023, 326] И т. д., и т. п.

Эти говорят искренне и громко. А те, другие — мало того, что должны молчать, их ещё и обязывают на старости лет публично отречься от самих себя, навсегда проститься с репутацией порядочного человека.

Профессор Клобуков вёл скромную жизнь убеждённого стойка (недаром его отца и сына зовут Марк, а тестя Аврелий). Но в одно непрекрасное воскресенье молодые коллеги уговорили его, своего шефа, организовать неформальную встречу с коллегой из ЧССР, приехавшим по обмену опытом, — большим энтузиастом Пражской весны.

«— Никто ведь не предполагал, что будет вторжение... — оправдывается Клобуков через неделю перед директором института.

И в ответ, от порядочного и вполне адекватного человека, слышит:

— Не «вторжение». Акт братской солидарности [...]». [AKUNIN-ČCHARTIŠVILI 2023, 397]

Т. е. в 1968 всё как в 2022, вернее наоборот: ныне как тогда. А Клобуков говорит: как в 1937. «Снова настали времена, когда никакого выбора в общем нет»: отречёшься и покаешься — будешь подлецом, не сделаешь этого — закроют отдел, институт, а из молодых коллег — организаторов встречи с чехом — КГБ, отработывая свой хлеб, состряпает «преступную группу антисоветчиков». [AKUNIN-ČCHARTIŠVILI 2023, 400]

Эпизод «Выбора нет» — один из последних в романе. Только дочитав его до конца, понимаешь, почему роман начинается прямо с «выписок Рейли» из книги буддийской мудрости, и вот одна из них: «В любой скверной ситуации уйти от позора очень легко. Достаточно умереть». [AKUNIN-ČCHARTIŠVILI 2023, 7]

В финале профессор, уже переживший один инфаркт, выходит на трибуну общего собрания, на которое дирекция института согнала сотрудников. Он сделал свой выбор. Сейчас он продекларирует по бумажке текст, написанный не им и согласованный в «инстанциях»; уничтожит свою репутацию и возможность дальнейшей работы, но спасёт от уничтожения институт, которому отдал всю свою жизнь... Но прочитав первые два слова («уважаемые коллеги»), Антон Маркович умирает от второго инфаркта прямо на трибуне. И если цель была уйти от позора, то такую смерть «собачьей», т. е. бессмысленной, отнюдь не назовёшь.

Кроме Клобукова, во всём романе А/Ч найдётся лишь один ещё персонаж, чья смерть не «собачья», тот самый японский шпион: его цель — уничтожить русский Порт-Артур — была достигнута ценой его собственной жизни и при помощи Рейли, который на сей раз своей жизнью не рисковал. Японец знал, что его ждёт, мягко говоря, «неприятная смерть. Но не собачья — при условии, что вы в точности выполните порученное. Очень вас прошу, не подведите меня, мистер Рейли. И вторая просьба. Не живите собачьей жизнью» [AKUNIN-ČCHARTIŠVILI 2023, 194]

Дочитав эту прекрасную, увлекательную книгу до конца, я не могу не думать о тех украинских воинах и мирных жителях, которые прямо сейчас умирают за своё право жить лучше, а главное свободнее, убив, наконец, свиного дракона. Не может быть, чтобы они погибли, не достигнув поставленной цели.

Владимир Янович Звиняцковский

Библиография:

AKUNIN-ČCHARTIŠVILI (2023): *Sobač'ja smert'*. Moskva.

ČECHOV A. P. (1977): *Polnoje sobranije sočinenij i pisem: V 30 t. Sočinenija: V 18 t. T. 7.* Moskva.

About the author**Volodymyr Zvinyatskovsky**

Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czechia

Mariupol State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Applied

Philology, Kyiv, Ukraine

vyaz57@ukr.net

<https://doi.org/10.5817/NR2023-2-8>

Учебник по русскому языку как иностранному «Резонанс» — классическая методика в современном исполнении

БЕРГ, Е.: *Резонанс: русский язык для начинающих. Книга 2.* Сиэтл: Language Interface Publishing, 2023. 380 с. ISBN 978-1-7376521-4-4 (печатная публикация), ISBN 978-1-7376521-5-1 (электронная публикация).

BERG, E.: *Resonance: Russian for Beginners. Book 2.* Seattle: Language Interface Publishing, 2023. 380 p. ISBN 978-1-7376521-4-4 (paperback), ISBN 978-1-7376521-5-1 (e-book).

В начале 2023 года вышла в свет вторая часть учебника по русскому языку как иностранному «Резонанс», адресованного начинающим изучать русский язык (первая часть была опубликована в 2021 году). Этот учебник обладает рядом отличительных особенностей, обеспечивающих его уникальность и востребованность.

Первая и главная, на наш взгляд, особенность учебника — это наличие качественных объяснений лексического и грамматического материала. Казалось бы, объяснение материала является необходимой составляющей любого учебника, однако, как известно, в аутентичных учебниках по иностранным языкам (в том числе по русскому как иностранному), все объяснения традиционно